

Сун Чжи с трудом попыталась растянуть губы в улыбке, но ничего не вышло. Служанки выстроились длинной вереницей, и Сун Чжи прошла между ними, спустившись с террасы. Ждавшие внизу люди, увидев ее, единым махом выразили изумление. К счастью, Сун Фан всегда слыл изящным интеллигентом, что на современном языке означало бы некоторую женственность, а Сун Чжи в современном мире не была изнеженной. В этом плане их темпераменты совпадали. Она игнорировала выражения лиц окружающих, спустилась вниз и не увидела ни Сун Цяня, ни Сун Миня. За ней последовала лишь ее личная служанка, которая всегда была рядом, — видимо, ей предстояло сопровождать госпожу в резиденцию принцессы.

Она подождала немного, но Сун Цянь так и не появился. Тем временем служанки принцессы Сяньнин прислали подгонять её. Сун Чжи вздохнула, отвесила поклон в сторону, где лежал Сун Фан, как бы испрашивая прощения за свое самозванство. Группа преданных слуг, поколениями служивших семье, последовала за ее спиной, и они вышли за ворота. Она увидела, что принцесса уже восседала в карете, подошла к экипажу и поклонилась, громко произнеся:

— Комендант Фума, губернатор Инчуаня, подданный Фан, приветствует принцессу. Из-за падения в воду я задержался и опоздал встретить ваш выезд, прошу принцессу простить меня.

— Как здоровье коменданта? — раздался из кареты мягкий голос принцессы Сяньнин, звучавший по-матерински заботливо.

Сун Чжи почтительно ответила:

— Уже ничего серьезного.

— Хорошо. В путь.

Слова изнутри больше не поступали. Сун Чжи подняла веки, но промолчала. Служанка, сопровождавшая принцессу, подставила скамеечку, приглашая сесть в карету. Сун Чжи оглянулась на особняк Сыту, на мгновение заколебалась, но все же вошла на подножку и уселась внутри кареты.

Согласно ритуалу, жених должен был въехать во дворец, чтобы встретить принцессу, затем сопроводить её к дому родителей, где отец и мать одарили бы его одеждой и напутствием, после чего следовал бы выезд в резиденцию принцессы для свадьбы, а на третий день — посещение дворца с благодарностью. Но в этот раз всё было иначе: Сын Неба особой милостью разрешил Сун Фану послать вместо себя брата для встречи. Сун Минь встретил принцессу, и затем Сун Фан должен был принять от Сун Цяня одежду и благословение, но Сун Фан умер, весь дом был в смятении, а Сун Цянь так и не появился, чтобы благословить Сун Чжи. Впрочем, на фоне смерти Сун Фана это казалось уже несущественным.

Когда Сун Чжи села рядом с принцессой Сяньнин, ей ощущалось невероятно неловко. Она не смела смотреть на принцессу и боялась приблизиться, поэтому жалась к углу. К счастью, карета была просторной, и ей не приходилось сидеть слишком близко.

С того момента, как Сун Чжи вошла в карету, принцесса Сяньнин не сводила с неё глаз. Карета тронулась медленно, и они сохраняли это странное расстояние, никто не нарушал молчания. Путь от особняка Сыту до резиденции принцессы был не так далек, но тяжелый, словно осязаемый, взгляд принцессы заставлял и без того настороженную Сун Чжи чувствовать себя словно на иголках, весь её тело сковал дискомфорт.

Видимо, решив, что Сун Чжи слишком напряжена, принцесса Сяньнин, опасаясь, что та может

ошибиться на церемонии, нашла повод завязать разговор:

— Тебя зовут Сун Чжи?

Сун Чжи вздрогнула, обернулась и снова собралась было поклониться, но принцесса протянула руку, остановив её. Она подняла глаза на принцессу; принцесса тоже смотрела на неё. При таком близком расстоянии Сун Чжи легко разглядела холод, обитавший в межбровье принцессы. Она по привычке отдернула руку, но тут же подумала, что это могут счесть за отвержение близости принцессы, и рука, отдернутая наполовину, замерла в воздухе. Она опустила глаза, скрывая замешательство, и выдала застенчивую улыбку:

— В ответ на слова принцессы: подданного зовут Сун Чжи, мы с братом Сун Фаном — полные родные сестра и брат.

Принцесса Сяньнин приподняла бровь:

— О? Неудивительно.

Она кивнула, словно что-то осознав:

— Неудивительно, что я нахожу тебя похожей на Сун Гун Куаня.

Пауза.

— Не смущайся. По правде, если бы Сун Гун Куань не умер, я уже была бы твоей невесткой.

Хотя рассуждение это и верно, принцесса всё же оставалась принцессой. Не то что этот ложный жених, но даже настоящий Сун Фан не мог бы позволить себе вольности с принцессой Сяньнин. Тем более что это была лишь любезность принцессы к подданному. Принцесса могла себе это позволить, а вот подданному — нет.

Впрочем, Сун Чжи немного расслабилась, опасаясь, что чрезмерная скованность может не понравиться принцессе.

Принцесса Сяньнин, видя, что страх несколько отступил, с одобрением взглянула на неё — но лишь на мгновение. Она произнесла:

— Впредь я буду звать тебя женихом, и ты должна считать себя женихом. Снаружи за нами следят тысячи глаз, тебе следует быть осмотрительной. Когда мы прибудем в резиденцию принцессы, с того момента, как ты сойдешь с кареты, ты должна забыть, что ты женщина. Ты должна стать Комендантом Фума: делать всё, что должен и умеет делать Комендант, и не совершать того, что ему не положено. Поначалу ты будешь не привыкать, если пробьется малейшая оговорка, твой весь дом, включая меня, поплатится жизнью. Помни: в твоих руках находятся жизни бесчисленного множества людей!

Сун Чжи торжественно изрекла:

— Слушаюсь.

Спустя полприема она тихо спросила:

— Принцесса, а... а как же брачная ночь?

Ведь свадебная ночь — это тоже часть обязанностей жениха, не так ли?

Принцесса Сяньнин косилась на неё с полуулыбкой:

— А как думаешь?

Лицо Сун Чзhi залилось краской: она поняла, что спросила невпопад. Вопрос был праздным: она ведь и не настоящий жених, заменяет брата, разве станет она действительно consummate брак вместо него?

Осознав, что задала неловкий вопрос, она не могла не почувствовать страх и тихо уселась в сторонке, уставившись себе в нос, словно праведница, постигающая дао. На самом же деле в сердце её царили смятение и сожаление, она корила себя за эти слова, боясь, что тем самым оскорбила принцессу; возможно, в сердце принцессы её смертная вина увеличилась еще на один пункт — непочтительность к высочайшей особе.

Карета мерно покачивалась, ути-пути. Уличные зеваки запрудили обочины, все тянули шеи, надеясь увидеть великолепие новобрачных. В процессии зазвенели бубны, затрепетали флаги, в толпу полетели цветы и медные монеты — видимо, эта пышная свадьба стоила немалых средств. Воины резиденции принцессы, грозные и мощные, восседали на конях, открывая путь и замыкая шествие сзади, а люди семьи Сун, стараясь придать лицам праздничный вид, следовали за каретой, исполняя музыку.

Шум и ликование горожан словно свидетельствовали, что они видят самих принцессу Сяньнин и жениха Суна. В гаме и хаосе кто-то восклицал, восхищаясь «талантливым женихом и прекрасной невестой», кто-то говорил, что это «союз, созданный на небесах», и хотя воины сдерживали толпу, по их виду казалось, что они готовы рваться вперед, чтобы хоть одним глазком взглянуть на драгоценные лица. И пусть снаружи люди распевали дифирамбы, восхваляя эту пару до небес, внутри кареты ни у кого не было ни радости. Люди искусства слагали стихи и оды, воспевая этот союз, но увы, всё было ложью. Жених — ненастоящий, да еще и женщина, невеста не только знает об этом, но и является одним из зачинщиков этой фарса. Чем шумнее и веселее было снаружи, тем гнетущее становилась атмосфера внутри.

Сун Чжи чувствовала, что семья Сун подвела принцессу Сяньнин. Что бы ни говорили, смерть Сун Фана нанесла принцессе наибольший урон. Ей пришлось вынести смерть жениха в счастливый день, а потом согласиться на то, чтобы сестра жениха заменила его и вступила с ней в брак, и более того, вероятно, в течение месяца ей придется сталкиваться с человеком, принесшим ей позор, и притворяться, что они — почтительная супруга, любящая и любимая. Печалится ли принцесса Сяньнин — Сун Чзhi не ведала, но самой ей было тяжело на душе, ибо она понимала: в феодальном обществе положение женщины низко, и принцесса Сяньнин, и Сун Фан были жертвами политики. По сравнению с Сун Фаном, который избрал смерть ради избавления, принцесса Сяньнин, не имевшая права умереть и вынужденная сохранять лицо императорской семьи, принося в жертву свое счастье, была более трагична.

Она тоже была жертвой, но жертвой, приносившей себя в жертву ради спасения других и самой себя. Честно говоря, выйти замуж за женщину — нет, жениться на женщине — было более приемлемо, чем выйти замуж за мужчину, которому в древности законно позволялось иметь три жены и четыре наложницы. Если бы на этот раз она не заменила Сун Фана, то не прошел бы и год, как её бы выдали замуж за генерала, держащего в руках войска, ради укрепления позиций семьи Сун, или за самовлюбленного литератора-мачо, и ей пришлось бы делить мужа с несколькими женщинами.

Так подумав, Сун Чзhi нашла, что идея принцессы Сяньнин вовсе не плоха. Стоит пережить этот рубеж, и потом нужно лишь, чтобы принцесса написала письмо о разводе, и они

разойдутся. А если не разведется — тоже хорошо: останется жить в резиденции принцессы, дождется, пока та найдет несколько фаворитов-красавцев и забудет о ней, а потом придумает способ уйти.

В любом случае, если она будет честно и смиренно содействовать принцессе Сяньнин, с ней не поступят как с охотничьей собакой, которую варят, когда зайцы пойманы.

Сун Чзhi думала так, и ей всё казалось прекраснее, наконец, её лицо посвежело, словно после дождя выглянуло солнце. Однако, пройдет ли она испытание в резиденции принцессы — вопрос всё ещё открытый.

Автор имеет сказать:

В древности между государем и подданным существовали правила: подданный в присутствии государя мог называть только по личному имени (своё и чужое), но не по courtesy name (цзы). Государь обычно называл подданных по личному имени или по должности, и только в знак особой близости мог использовать courtesy name.

<http://bllate.org/book/16453/1492691>